

УДК 736.311 + 929.733

О. И. Хоруженко**ПЕЧАТИ КНЯЗЕЙ ОБОЛЕНСКИХ XIII–XVII ВВ.
В ПУБЛИКАЦИИ Ф. А. БЮЛЕРА**

Анализируется публикация русских печатей, подготовленная М. А. Оболенским и осуществленная Ф. А. Бюлером. Высказывается предположение о том, что цели, которые стояли перед автором при отборе и описании публикуемых источников, лежали вне собственно научной сферы — автор использовал публикацию для демонстрации своей родовой и сословной идентичности.

Ключевые слова: сфрагистика; печати; князья Оболенские; М. А. Оболенский; Ф. А. Бюлер.

Публикация письменных или вещественных исторических источников представляет собой не только один из способов их интерпретации, — являясь продуктом культуры, она также представляет собой исторический (историографический) источник. С позиции современного источниковедения это не только предполагает, но и требует выяснения авторского целеполагания [Маловичко, Румянцева; Маловичко].

В 1882 г. вышла в свет вторая в истории русской сфрагистики специальная публикация печатей — «Снимки древних русских печатей» [Снимки] (первая была представлена альбомом П. И. Иванова [Иванов]). Ф. А. Бюлер, издатель «Снимков», отдал честь подготовки этой публикации своему предшественнику на посту директора Московского главного архива Министерства иностранных дел (МГАМИД) князю Михаилу Андреевичу Оболенскому: «князь Оболенский... заказал гравированные изображения 126-ти старинных русских печатей, значительное число которых принадлежит к коллекции Древлехранилища, коим он управлял со времени его учреждения, по званию директора Московского главного архива» [Снимки, с. XIV]. Об этом вспоминал и Н. И. Костомаров: «Мы слышали в последнее время от самого Михаила Андреевича об его желании издать собрание старинных печатей государей и частных лиц» [Костомаров, стб. 654].

М. А. Оболенский (2 января 1806 — 12 января 1873) в начале своей карьеры был военным, затем служил чиновником для особых поручений при председателе Временного правления царства Польского, заведовал секретной частью канцелярии наместника царства Польского. В 1833 г. переведен в Министерство иностранных дел и причислен к Московскому главному архиву, где служил переводчиком, главным смотрителем в Комиссии печатания государственных грамот и договоров. М. А. Оболенский увлекался историей, коллекционированием раритетов, что привело его однажды к известному антиквару-фальсификатору А. И. Бардину [Иванова, Коншина, с. 344]. Масштабная археографическая деятельность М. А. Оболенского обеспечила ему признание среди профессиональных историков. Он стал членом Московского общества истории и древностей российских (1834), Археографической комиссии (1839), управляющим (1840) и директором (1868) МГАМИД, членом-корреспондентом Академии наук (1846),

заведующим Древлехранилищем хартий, рукописей и печатей при московской Оружейной палате (1853), председателем комиссии по возобновлению палат бояр Романовых в Москве (1856) и т. д. [Костомаров; Власьев, ч. 2, с. 308–309; Кубасов].

Ф. А. Бюлер называет основным источником публикации печатей коллекцию Древлехранилища. Судьба вещественной части этого собрания в полной мере не ясна. Государственное Древлехранилище хартий, рукописей и печатей было создано в 1851 г. как отделение Оружейной палаты [Центральный государственный архив..., с. 22]. Печати, медали и монеты поступили в Древлехранилище из Оружейной палаты, Министерства иностранных дел, Эрмитажа [Самошенко, с. 72]. По данным В. Н. Самошенко, «при переезде в МГАМИД в 1883 г. (по другим данным, в 1882 г. [Центральный государственный архив, с. 23]) Древлехранилище освободилось от монет и медалей», которые, очевидно, остались в Оружейной палате [Самошенко, с. 100–101]. В 1920 г. (по другим данным в 1918 г. [Центральный государственный архив..., с. 23]) из коллекции Древлехранилища вновь были выделены печати и переданы в Государственный исторический музей [Дремина, Чернов, с. 3, прим. 3] (по другим данным — также и в Румянцевский музей [Центральный государственный архив..., с. 23]). Между тем, сведений о переданных в 1918 или 1920 г. предметах из Древлехранилища в ГИМ не имеется. В 1946 и 1960 гг. из Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина (Румянцевского музея) в ГИМ поступали предметы из Древлехранилища. Первое поступление, включавшее 19 печатей, было слито с аналогичными материалами. Второе состояло из 202 экземпляров монет, медалей и печатей (последних насчитывалось 19)¹. Еще барон Ф. А. Бюлер, издатель «Снимков», отмечал, что не все публикуемые памятники были им найдены в Древлехранилище: «Мне неизвестна судьба тех экземпляров, которые не были внесены в опись [Древлехранилища 1873 г. — О. Х.], тогда как князь Оболенский надписями, сделанными им на их изображениях, заверял, что они находятся в Древлехранилище. Быть может, многие из них он собирался поместить в это учреждение, коллекции которого он значительно увеличил своими личными пожертвованиями» [Снимки, с. XIX].

Эти обстоятельства делают поиски источников публикации Оболенского — Бюлера малоперспективными. Ниже мы остановимся на собственно опубликованных Ф. А. Бюлером печатях, попытавшись разобраться в обоснованности идентификации и датировки, предложенных князем М. А. Оболенским, и выясним вопрос — заслуживают ли они того доверия, которым пользуются у исследователей [Гербовник А. Т. Князева, с. 127].

Надписью «Подлинный перстень (подлинная печать) хранится в Москве, в Государственном древлехранилище хартий, рукописей и печатей» М. А. Оболенский сопровождал, в частности, гравированные изображения девяти печатей, принадлежавших, по его мнению, представителям его рода. Если следовать предположению Ф. А. Бюлера, подготовленные М. А. Оболенским к публикации печати могли принадлежать как Древлехранилищу, так и его личному собранию.

---

¹ Выражаю искреннюю благодарность сотрудникам ГИМ Т. Ю. Стукаловой и Г. К. Мельник за эти сведения.

Основания для суждения об их принадлежности не ясны; сами матрицы печатей анонимны и не датированы.

Наиболее ранняя печать из подготовленных М. А. Оболенским к публикации — перстневая, приписанная им князю Юрию Михайловичу Тарусскому и Оболенскому и датированная временем около 1276 г. (ил. 1) [Снимки, табл. 107].

Юрий Михайлович Тарусский и Оболенский известен только по родословным, но некий князь Юрий в этом роду действительно был — в 1368 г., согласно сообщению ряда летописей, в Оболенске был убит местный вотчич князь Константин Юрьевич [ПСРЛ, т. 8, ч. 2, с. 16; т. 15, с. 429; т. 33, с. 85–86]. При построении родословия князей Оболенских его отец Юрий был сделан сыном канонизированного черниговского князя Михаила, погибшего в ставке Батые в 1246 г.² Это объясняет предложенную М. А. Оболенским датировку — к дате гибели черниговского князя он прибавил 30 лет, принимаемые в генеалогии как время деятельности одного поколения (1246 + 30 = 1276).

Рабочей поверхностью печати служил, вероятно, антик с довольно грубым, возможно, поврежденным при неумелой реставрации изображением какой-то (военной?) сцены. Отнести эту перстневую печать ко второй половине XIII в. не представляется возможным. Княжеские печати этого времени отличает изображение патронального святого [Каменцева, Устюгов, с. 76–84]. Перстневые печати появились только с XV в. [Станюкевич, Авдеев, с. 44].

Следующий по времени перстень М. А. Оболенский приписал князю Константину Юрьевичу Оболенскому и датировал 1276–1306 гг. (ил. 2) [Снимки, табл. 109]. Автор оперировал вариантом родословия, отличным от того, что представлен в Типографской летописи и в Государевом родословце.

Схема «Михаил (ум. в 1246 г.) — Юрий — Константин (ум. в 1368 г.)» была известна благодаря подготовленной Н. И. Новиковым (1787) публикации Бархатной книги [Родословная книга, 1787, ч. 1, с. 201, 212], в основе которой лежал текст Государева родословца. Явная хронологическая несостоятельность этой схемы была отмечена еще в начале XVI в. В сборнике Дионисия Звенигородского, а затем в родословных книгах Летописной редакции в эту схему были встроены два поколения в лице фантомных фигур князей Ивана Константиновича и Константина Ивановича. Тем самым хронологическая неувязка была исправлена, однако этот вариант вошел в противоречие с данными летописей о событиях 1368 г., в которых фигурирует князь Константин *Юрьевич*, а не *Иванович*: «А у Ивана Костянтин же Оболенский, его ж убил Олгирд в Оболенске, егда к Москве приходил безвестно, в лето 6876» [Бычкова, с. 76].

В 1840 г. П. В. Долгоруков опубликовал вариант родословия князей Оболенских, исходящий из схемы Летописной редакции, причем объявил, что тем самым исправил ошибку Бархатной книги, в которой «пропущены два поколения»

² Вполне убедительна версия о том, что это событие произошло ранее, в 1245 г. [Фролов, Прошкин, с. 10]. Наиболее ранним источником, где представлен этот вариант родословия, является Типографская летопись конца XV — начала XVI в. «А се род князя великого Михаила Черниговского: сын его князь Юрь, внук его князь Костянтин» [ПСРЛ, т. 24, с. 234]; по Никоновской летописи, Ольгерд «во Оболенске уби князя Константина, Юрьева сына, внука блаженного великого князя Михаила Черниговского» [ПСРЛ, т. 11, с. 11].

[Долгоруков, кн. 1, с. 58.]³. Публикация в 1851 г. Синодального II списка редакции начала XVII в. укрепила доверие к этой версии — он также содержал имена оболенских князей Ивана Константиновича и Константина Ивановича [Родословная книга, 1851, с. 46; ГИМ. Син. № 860].

Здесь следует отметить, что как первый, так и второй вариант родословия князей Оболенских привязывал их к святому князю Михаилу черниговскому совершенно безосновательно [Беспалов].

Таким образом, датировка перстня, предложенная М. А. Оболенским, была основана на варианте родословия, восходящем к Летописной редакции, и, как и в случае с перстнем князя Юрия Михайловича, была получена простым арифметическим действием ($1246 + 30 + 30 = 1306$).

На печати изображена некая птица с «З»-образным знаком над ней в точечном ободке. Перстень выполнен в пышных, вычурных формах барокко и явно принадлежит к XVII–XVIII вв.

Следующий по времени, согласно датировке М. А. Оболенского, перстень князя Ивана Константиновича Оболенского 1306–1336 г. (ил. 3) [Снимки, табл. 111]. Иван Константинович, как было сказано, неизвестен по иным источникам, кроме родословной Оболенских в варианте Дионисия Звенигородского и восходящих к нему, и был придуман для заполнения временной лакуны в первых поколениях князей Оболенских. Согласно этому варианту родословной М. А. Оболенским и предложена датировка перстня: $1246 + 30 + 30 + 30 = 1336$.

На печати восьмигранной формы изображен конный воин. Вероятно, и сам перстень, и матрицу следует отнести к XVII в. Печати с изображением всадника, подражающие, очевидно, великокняжеским, были довольно широко распространены среди служилых людей XVI–XVII вв. [Иванов, табл. IV, № 35 (1537); табл. XVI, № 211 (1662); № 223 (1668); табл. XVIII, № 265 (1683); № 271 (1684)].

«Перстень князя Константина Ивановича Оболенского», т. е. того, кто заменил в родословии известного по летописям князя Константина Юрьевича, М. А. Оболенский датировал 1368 г. (ил. 4) [Снимки, табл. 112], т. е. годом гибели в Оболенске этого князя от руки Ольгерда.

С. Н. Тройницкий описал эту печать как «изображение двух птиц по сторонам растения, восточного происхождения», которое «часто встречалось на печатях XIII и XIV вв.» [Гербовник А. Т. Князева, с. 127]. Тройницкий не привел никаких параллелей для обоснования своих суждений. На самом деле композиция печати, выполненная в стиле русского барокко XVII в., не позволяет отнести ее к XIV и тем более к XIII в. Вряд ли можно связывать ее происхождение с Востоком, если С. Н. Тройницкий имел в виду мусульманский Восток, где изображения живых существ были табуированы.

Заманчиво предположить, что изображение именно этой печати послужило образцом для нижнего поля герба князей Оболенских, Репниных и Тюфякиных,

---

³ Автор ссылался на некую «родословную рукопись, доведенную до 1614 года, и хранящуюся в библиотеке Московского архива Министерства иностранных дел, в отделении рукописей под № 1». Под этим номером в настоящее время в ф. 181 (Рукописный отдел библиотеки МГАМИД) значится сборник, содержащий две рукописи Хронографы.

Гравированные изображения печатей

Ил. 1

Ил. 2

Ил. 3

Ил. 4

Ил. 5

содержащего фигуры двух (у Тюфякиных одной) птиц или гарпий. Однако, возможна и обратная зависимость: печать могла заинтересовать М. А. Оболенского именно схожестью сюжета с его гербом.

Перстень князя Семена Константиновича Оболенского [Власьев, т. 1, ч. 2, с. 252, № 4; Кобрин, с. 95, № 2] был датирован М. А. Оболенским 1376 г. (ил. 5) [Снимки, с. 113]. Основанием для этой датировки послужил разряд похода московского князя Дмитрия Ивановича на Тверь, содержащий имя Семена Константиновича. При жизни М. А. Оболенского этот разряд был издан в составе Новгородской IV (с датой 1375) [ПСРЛ, т. 4, с. 70] и других летописей. Отсылка к летописной статье с этим разрядом содержится также в родословцах Летописной и Разрядной редакций [Бычкова, с. 154]. Один из списков, относящийся к последней редакции, находился в коллекции М. А. Оболенского [Там же, с. 75]. Источник, находившийся в распоряжении автора, содержал, вероятно, неверную дату, либо она была искажена при переводе даты на эру от Р. Х.: поход на Тверь датируется 1375 г. (29 июля 6883 г. от С. М.). На печати изображен человек, протягивающий одну руку к дереву, а в другой держащий некий предмет. Вероятно, это сцена грехопадения Евы («и взяла плодов его и ела»; Быт. 3:6). Подобные изображения достаточно распространены в сфрагистике [Иванов, табл. VII, № 131 (1585); табл. XII, № 114 (1631); табл. XIII, № 131 (1635); табл. XV, № 182 (1649)], как и сцена с участием обоих прародителей («и дала также мужу своему, и он ел») [Иванов, табл. IV, № 37 (1541); табл. IX, № 30 (1617); табл. XII, № 95 (1629); № 98 (1629); табл. XVII, № 240 (1675); табл. XVIII, № 281 (1686)], и датируются XVI–XVII вв.

М. А. Оболенский приписал печать западноевропейского происхождения, вероятно, XVII–XVIII вв. (ил. 6) [Снимки, с. 81] князю Семену Ивановичу Оболенскому [Власьев, т. 1, ч. 2, с. 253–254, № 10; Кобрин, с. 95–96, № 8] и датировал ее 1446–1452 гг. На печати изображен парный герб, составленный по правилам европейской геральдики, что, конечно, делает необоснованным предположение об использовании ее русским князем XV в. Основания предложенной М. А. Оболенским датировки вполне ясны — под этими датами князь Семен Иванович упоминается в летописях, в том числе в доступной для автора Воскресенской [ПСРЛ, т. 8, с. 117, 125].

Печать, приписанная М. А. Оболенским князю Исааку (в иноках Иоасаф) Михайловичу Оболенскому [Власьев, т. 1, ч. 2, с. 262, № 29; Кобрин, с. 97, № 27], архиепископу ростовскому и ярославскому (1481–1514), представляет собой нательный образок с ростовым изображением св. Николая Мирликийского (иконографического типа Николы Зарайского), окруженным витым жгутом (ил. 7) [Снимки, табл. 82]. Этот предмет, очевидно, привлек внимание М. А. Оболенского тем, что изображение на нем зеркально обращено: св. Николай, вопреки традиции, держит евангелие в правой руке, а благословляет левой. Это, возможно, дало ему основание предполагать, что образок мог использоваться и в качестве матрицы печати — на оттиске изображение получалось бы каноничным. Печать-образок датирована временем от начала пребывания архиепископа Иоасафа на ростовско-ярославской кафедре до его кончины, согласно справочнику П. М. Строева [Строев, стб. 332].

Нам известны печати предшественников Иоасафа и его преемника на кафедре, в общем, не отличающиеся от иных архиерейских печатей: архиепископов ростовских и ярославских Ефрема (1427–1454), Трифона (1462–1467), Вассиана (1468–1481) и Тихона (1489–1503). Все печати двусторонние, содержат на лицевой стороне изображение Богоматери «Знамение» или на престоле, а на оборотной — текст «Милостию божиею смиренный архиепископ (имярек) ростовский и ярославский» [Соболева, с. 188, № 158, 159, 160; с. 189, № 162.].

Печать 1536 г. боярина и конюшего князя Ивана Федоровича Оболенского [Власьев, т. 1, ч. 2, с. 397–399, № 8; Кобрин, с. 101, № 59] содержит изображение крылатой богини победы Ники в профиль с ее непременным атрибутом — венком в правой руке, предмет же в левой руке прорисован плохо, но, вероятно, это пальмовая ветвь (ил. 8) [Снимки, с. 84; схожее изображение: Иванов, табл. IV, № 41 (1542)]. При публикации она была описана как: «Печать, вытиснутая на желтом воску, с изображением архангела Михаила [sic! — О. Х.] с надписью вокруг, из которой уцелели только буквы “ВАН... РОВИЧА О...” приложена к данной грамоте душеприказчиков боярина князя Михаила Васильевича Горбатого от 1 января 1536 г. об отказе им, по духовному завещанию, сельца Чернцы с деревнями в монастырь к Николе Чудотворцу на Шаркму. Подлинная грамота находится в фамильном собрании актов, принадлежащем князю М. А. Оболенскому» [Снимки, с. 84].

Духовная М. В. Горбатого 1534/35 г. сохранилась в подлиннике. Николаевский Шартомский монастырь (Никола на Цатне, на Шатне) действительно получил по ней сельцо Чернцы с деревнями, а князь И. Ф. Оболенский, наряду с В. В. Шуйским и И. Ю. Поджогиным, назван душеприказчиком [Акты, № 35, с. 90–93]. Данная грамота душеприказчиков М. В. Горбатого 1536 г. должна была храниться в ризнице Николо-Шартомского монастыря, после секуляризации, — вероятно, среди грамот Коллегии экономии. Когда и каким образом она попала в фамильное собрание актов, принадлежавшее князю М. А. Оболенскому, — неизвестно.

Упомянутый в духовной М. В. Горбатого князь И. Ф. Оболенский вполне корректно был титулован в публикации боярином и конюшим, т. к. в 1534/35–1536 гг. иных князей с таким именем и отчеством среди Оболенских, кроме И. Ф. Овчины Телепнева, не было.

В том же 1536 г. И. Ф. Оболенский пользовался и другой печатью. Описавший ее по оттиску М. М. Кром по неназванным основаниям посчитал ее перстневой. Она имела диаметр около 2 см, была оттиснута на красном воске под кустодией и изображала руку, держащую поднятый вверх меч [Кром, с. 159; Радзивилловские акты, № 85, с. 187].

Сам перстень, атрибутированный М. А. Оболенским окольничему князю Венедикту Андреевичу Оболенскому и датированный издателем 1627–1640 гг., не дает для этого формальных оснований (ил. 9) [Снимки, с. 119]. В. А. Оболенский, прямой предок М. А. Оболенского, упоминается в источниках с 1626 г. Он стал окольничим 17 марта 1651 г. и в том же году умер [Власьев, т. 1, ч. 2, с. 275–276, № 89]. Парные изображения льва и единорога, помещенные на этой печати, были широко распространены как в декоре конца XVI–XVII в., так и в сфрагистике [Иванов, табл. XII, № 109 (1631); табл. XVI, № 209 (1661), № 213 (1662); табл. XVIII, № 263 (1683)].

Печать боярина князя Константина Осиповича Щербатова 1696 г. представлена штемпелем (ил. 10) [Снимки, с. 102], но, возможно, ее оттиск был известен М. А. Оболенскому по датированному этим годом документу. К. О. Щербатов упоминается с 1649 г., он стал боярином в 1682 г., умер в 1697 г. [Власьев, т. 1, ч. 3, с. 240–242, № 71]. На печати в пышном барочном картуше под княжеской короной помещены инициалы в три строки: «П[ечать] | к[нязя] К[онстантина] | Щ[ербатова]».

Таким образом, среди опубликованных М. А. Оболенским печатей восемь без каких-либо оснований были им приписаны представителям его собственного рода. Оттиски этих печатей не встречаются на исходящих от князей Оболенских или заверенных ими документах, что оправдало бы их атрибуцию и датировку. На печатях отсутствуют надписи либо иные признаки, позволяющие связать их с этим княжеским родом. Это заставляет предположить, что М. А. Оболенский руководствовался иными, нежели научные, мотивами.

В середине XIX в. конструкция родословия князей Оболенских, восходящая к Летописной редакции родословных книг, получила широкую известность в связи с работами П. В. Долгорукова и публикацией Синодального II списка редакции начала XVII в. Читатели могли узнать неизвестные Бархатной книге имена оболенских князей Ивана Константиновича и Константина Ивановича. Публикация Оболенского должна была поддержать эту версию родословной росписи, являясь ее своеобразной иллюстрацией. Печати ранее неизвестных оболенских князей, представленные публике, делали из эфемерных, искусственно сконструированных элементов родословной схемы реальных исторических личностей.

Публикация М. А. Оболенского (во всяком случае, в части, посвященной князьям Оболенским) преследовала не столько научные цели, сколько родословные. Она может рассматриваться наряду с такими способами конструирования истории рода и демонстрации сословной и родовой идентичности, как разработка родословной легенды, изготовление фальсификатов, призванных ее подкрепить, и составление гербов, ее презентующих.

Акты Суздальского Спасо-Евфимьева монастыря 1506–1608 гг. / сост. С. Н. Кистерев, Л. А. Тимошина. М., 1998. 640 с. [Akty Suzdal'skogo Spaso-Evfim'eva monastyrja 1506–1608 gg. / sost. S. N. Kisterev, L. A. Timoshina. M., 1998. 640 s.]

Беспалов Р. А. «Новое потомство» князя Михаила Черниговского по источникам XVI–XVII веков (к постановке проблемы) // Проблемы славяноведения : сб. науч. ст. и материалов. Брянск, 2011. Вып. 13. С. 63–97. [Bespalov R. A. «Novoe potomstvo» knjazja Mihaila Chernigovskogo po istochnikam XVI–XVII vekov (k postanovke problemy) // Problemy slavjanovedenija : sb. nauch. st. i materialov. Brjansk, 2011. Vyp. 13. S. 63–97.]

Бычкова М. Е. Состав класса феодалов России в XVI в. : ист.-генеал. исслед. М., 1986. 219 с. [Bychkova M. E. Sostav klassa feodalov Rossii v XVI v. : ist.-geneal. issled. M., 1986. 219 s.]

Власьев — Потомство Рюрика : материалы для составления родословий / сост. Г. А. Власьев. СПб., 1906–1907. Т. 1 : Князья черниговские, ч. 2–3. [Potomstvo Rjurika : materialy dlja sostavlenija rodoslovij / sost. G. A. Vlas'ev. SPb., 1906–1907. T. 1 : Knjaz'ja chernigovskie, ch. 2–3.]

Гербовник Анисима Титовича Князева 1785 г. / изд. С. Н. Тройницкий. СПб., 1912. [Gerbovnik Anisima Titovicha Knjazeva 1785 g. / izd. S. N. Trojnickij. SPb., 1912.]

Гравированные изображения печатей

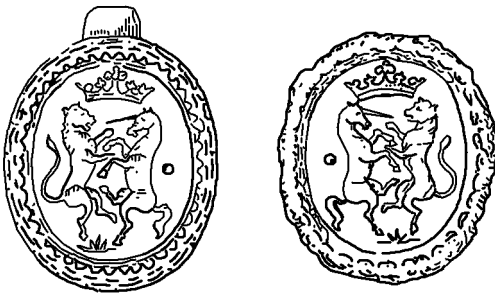
Ил. 6

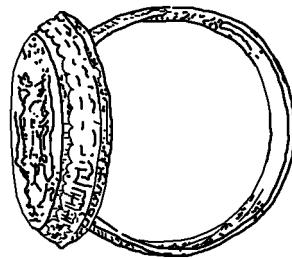
Ил. 7

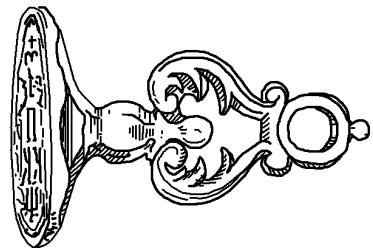
Ил. 8

Ил. 9

Ил. 10

Долгоруков П. [В.] Российский родословный сборник. СПб., 1840. Кн. 1. 111 с. [Dolgorukov P. [V.] Rossijskij rodoslovnij sbornik. SPb., 1840. Kn. 1. 111 s.]

Дремина Г. А., Чернов А. В. Из истории Центрального государственного архива древних актов СССР (Государственное древлехранилище хартий и рукописей и Московский архив Коллегии иностранных дел). М., 1959. [Dremina G. A., Chernov A. V. Iz istorii Central'nogo gosudarstvennogo arhiva drevnih aktov SSSR (Gosudarstvennoe drevlehranilishhe hartij i rukopisej i Moskovskij arhiv Kollegii inostrannyh del). M., 1959.]

Иванов П. И. Сборник снимков с древнейших русских печатей, приложенных к грамотам и другим документам, хранящимся в Московском архиве министерства юстиции. М., 1858. 69 с. [Ivanov P. I. Sbornik snimkov s drevnejshih russkikh pechatej, prilozhennyh k gramotam i drugim dokumentam, hranjashhimsja v Moskovskom arhive ministerstva justicii. M., 1858. 69 s.]

Иванова Л., Коншина Е. О портрете Пушкина работы Тропинина // Пушкин. Лермонтов. Гоголь. М., 1952. С. 344–346. [Ivanova L., Konshina E. O portrete Pushkina raboty Tropinina // Pushkin. Lermontov. Gogol'. M., 1952. S. 344–346.]

Камецева Е. И., Устюгов Н. В. Русская сфрагистика и геральдика. 2-е изд. М., 1974. 264 с. [Kamenceva E. I., Ustjugov N. V. Russkaja sfragistika i gerald'ika. 2-e izd. M., 1974. 264 s.]

Кобрин В. Б. Материалы генеалогии княжеско-боярской аристократии XV–XVI вв. М., 1995. 243 с. [Kobrin V. B. Materialy genealogii knjazhesko-bojarskoj aristokratii XV–XVI vv. M., 1995. 243 s.]

Костомаров Н. [И.] Князь М. А. Оболенский // Русский архив. 1873. Кн. 4. Стб. 667–655. [Kostomarov N. [I.] Knjaz' M. A. Obolenskij // Russkij arhiv. 1873. Kn. 4. Stb. 667–655.]

Кром М. М. «Вдовствующее царство»: политический кризис в России 30–40-х годов XVI века. М., 2010. 888 с. [Krom M. M. «Vdovstvujushhee carstvo»: politicheskij krizis v Rossii 30–40-h godov XVI veka. M., 2010. 888 s.]

[Кубасов И. А.] *Ив. К. Оболенский, князь Михаил Андреевич* // Русский биографический словарь. СПб., 1905. Т. [12]: Обезьянинов — Очкин. С. 44–47. [[Kubasov I. A.] Iv. K. Obolenskij, knjaz' Mihail Andreevich // Russkij biograficheskij slovar'. SPb., 1905. T. [12]: Obez'janinov — Ochkin. S. 44–47.]

Маловичко С. И. Феноменологическая концепция источниковедения как теоретическая основа источниковедения историографии // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. М., 2013. Вып. 44. С. 112–126. [Malovichko S. I. Fenomenologicheskaja koncepcija istochnikovedenija kak teoreticheskaja osnova istochnikovedenija istoriografii // Dialog so vremenem: al'manah intellektual'noj istorii. M., 2013. Vyp. 44. S. 112–126.]

Маловичко С. И., Румянцева М. Ф. Историографическое произведение как объект источниковедческого изучения в предметном поле источниковедения историографии // Библиотека в контексте истории: материалы 10-й Всерос. с междунар. участием науч. конф. Москва, 3–4 окт. 2013 г. М., 2013. Ч. 1. С. 9–21. [Malovichko S. I., Rumjanceva M. F. Istoriograficheskoe proizvedenie kak ob'ekt istochnikovedcheskogo izuchenija v predmetnom pole istochnikovedenija istoriografii // Biblioteka v kontekste istorii: materialy 10-j Vseros. s mezhdunar. uchastiem nauch. konf. Moskva, 3–4 okt. 2013 g. M., 2013. Ch. 1. S. 9–21.]

ПСРЛ. СПб., 1848. Т. 4; СПб., 1859. Т. 8. Ч. 2; СПб., 1897. Т. 11; СПб., 1863. Т. 15; Пг., 1921. Т. 24; Л., 1977. Т. 33. [PSRL. SPb., 1848. T. 4; SPb., 1859. T. 8. Ch. 2; SPb., 1897. T. 11; SPb., 1863. T. 15; Pg., 1921. T. 24; L., 1977. T. 33.]

Радзивилловские акты из собрания Российской национальной библиотеки: первая половина XVI в. / сост. М. М. Кром // Памятники истории Восточной Европы. (Monumena Historica Res Gestas Europae Orientalis Illustrantia). М.; Варшава, 2002. Т. VI. 267 с. [Radzivillovskie акты iz sobranija Rossijskoj nacional'noj biblioteki: pervaja polovina XVI v. / sost. M. M. Krom // Pamjatniki istorii Vostochnoj Evropy. (Monumena Historica Res Gestas Europae Orientalis Illustrantia). M.; Varshava, 2002. T. VI. 267 s.]

Родословная книга // Временник имп. Московского о-ва истории и древностей российских. М., 1851. Кн. 10. С. 1–130. [Rodoslovnaja kniga // Vremennik imp. Moskovskogo o-va istorii i drevnostej rossijskikh. M., 1851. Kn. 10. S. 1–130.]

Родословная книга князей и дворян российских и выезжих / изд. Н. И. Новиков. М., 1787. Ч. 1. 392 с. [Rodoslovnaja kniga knjazej i dvorjan rossijskih i vyezжих / izd. N. I. Novikov. M., 1787. Ch. 1. 392 s.]

Самошенко В. Н. Исторические архивы Москвы и Петербурга (XVIII – начало XX вв.). М., 1990. 214 с. [Samoshenko V. N. Istoricheskie arhivy Moskvy i Peterburga (XVIII – nachalo XX vv.). M., 1990. 214 s.]

Снимки древних русских печатей государственных, царских, областных, городских, присутственных мест и частных лиц / изд. Комиссии печатания государственных грамот и договоров. М., 1882. Вып. 1. 194 с. [Snimki drevnih russkih pechatей gosudarstvennyh, carskih, oblastnyh, gorodskih, prisutstvennyh mest i chastnyh lic / izd. Komissii pechatanija gosudarstvennyh gramot i dogovorov. M., 1882. Выр. 1. 194 s.]

Соболева Н. А. Русские печати. М., 1991. 239 с. [Soboleva N. A. Russkie pechati. M., 1991. 239 s.]

Станюкевич А. К., Авдеев А. Г. Неизвестные памятники русской сфрагистики. Прикладные печати-матрицы XII–XVIII веков из частных собраний. М., 2007. 181 с. [Stanjukevich A. K., Avdeev A. G. Neizvestnye pamjatniki russkoj sfragistiki. Prikladnye pechati-matricy XII–XVIII vekov iz chastnyh sobranij. M., 2007. 181 s.]

Строев П. М. Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви. СПб., 1877. 573 с. [Stroev P. M. Spiski ierarhov i nastojatelej monastyrej rossijskoj cerkvi. SPb., 1877. 573 s.]

Фролов А. С., Прошкин О. Л. Таруса в X–XIV веках (по данным археологии). Калуга, 2011. 88 с. [Frolov A. S., Proshkin O. L. Tarusa v X–XIV vekah (po dannym arheologii). Kaluga, 2011. 88 s.]

Центральный государственный архив древних актов СССР. Путеводитель : в 4 т. М., 1991. Т. 1. 528 с. [Central'nyj gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov SSSR. Putevoditel' : v 4 t. M., 1991. T. 1. 528 s.]

Статья поступила в редакцию 19.01.2014 г.